

Часть 9.

Закончив свои дела с Ульрике, Юкинари вернулся в свою комнату где нашел Дашу ожидавшую его на кровати.

— Юки... Осмотр.

— Конечно, я сейчас.

Так уж вышло, что сейчас у Даши были не те глаза, с которыми она родилась. У нее была врожденная катаракта, из-за чего она практически не могла видеть. Юкинари вставил ей искусственные линзы, благодаря чему она могла нормально видеть. Но все лечение Юкинари было основано на том, что он слышал от доктора в его предыдущем мире, когда его сестра собиралась лечь на операцию по удалению катаракты. Сам Юкинари не обладал подходящей подготовкой.

У него даже не было стерильной комнаты, чтобы сделать операцию. Он старался изо всех сил, и простерилизовал инструменты как мог, но любителю подвластно далеко не все. В результате чего ему приходилось постоянно проверять глаза Даши, чтобы убедиться, что все в порядке, а в частности – нет воспаления.

Он сел рядом с Дашей и протянул руку.

— Я сниму с тебя очки.

Но Даша аккуратно взяла Юкинари за руку и опустила ее.

— Даша? Что случилось?

— Сегодня, мой черед... повернись, чтобы сделать ос-смотр... - остановила она его, все еще держа за руку.

— Что ты имеешь в виду?

— Юки, твое... тело. - Она отпустила его руку и коснулась груди.

Тело Юкинари, собственно говоря, было не таким, как у людей. Он был гомункулом, созданным при помощи алхимии. Он был ангелом – в значении слова посланник – живым алхимическим устройством, первоначально предназначавшимся для того, чтобы Истинная церковь Харриса обращала людей в свою веру. Каждый ангел обладал “чудесами”, которые убедили бы людей в истинности учений Церкви.

Человеком, создавшим тело Юкинари, была Ирина Урбан, алхимик, захваченный Церковью. Она взяла на себя смелость создать ангела с осознанием себя – Юкинари. После этого, Церковь казнила ее, так что не осталось никого, кто мог бы исследовать его.

Но Даша была младшей сестрой Ирины. Долгое время, сколько себя помнила, она была помощницей Ирины, так что у нее обширные познания в алхимии. Ее слабое зрение означало что она не могла читать книг, но постоянные разговоры с сестрой, сделали ее весьма осведомленной в этом деле.

Как упоминалось выше, Церковь держала алхимиков и их семьи в заключении, хотя внешне Истинная церковь осуждала алхимию как ересь, поэтому Даша мало знала про окружающий мир пока не встретила Юкинари. В итоге оказалось, что большинство ее знаний устарели, или, точнее говоря, у нее не было практического опыта, так что она не могла поддержать Юкинари.

— Я прекрасно себя чувствую.

Даша ничего не ответила, лишь недовольно посмотрела на него через свои очки, все еще держа руку на груди.

— Хорошо, я понял, - сказал он пожав плечами.

Даша, как правило, с готовностью следовала его указаниям, но время от времени демонстрировала невероятное упрямство. Особенно, когда это касалось ее области – алхимии, в которой она, после смерти Ирины, стала для Юкинари чем-то на подобии учителя. В такие моменты наилучшим решением было не спорить с ней. Юкинари познал все это методом проб и ошибок во время их совместного путешествия. Если Даша обидеться, то может дуться очень долго.

— Сними... свою рубашку.

— Да-да.

— Достаточно было сказать... один раз.

Юкинари снял рубашку, и Даша приложила свое лицо к его груди.

— Эй, что ты-...

— Не... шевелись.

— Н-не думаю, что это – осмотр!

— Нет, он. - Сказала она, поворачивая голову, словно собиралась потереться щекой о его голую грудь.

Юкинари потребовалось некоторое время, чтобы понять – она проводила “осмотр” при помощи своего слуха и осязания. Поскольку Даша долгое время не могла видеть, то ее слух и осязание были очень хорошо развиты. И, несмотря на то, что теперь она могла хорошо видеть, она все еще не могла во всем положиться на свое зрение – она предпочитала подтверждать все, что увидела, при помощи осязания, слуха, или даже обоняния.

— Закрой... глаза, и ложись... на бок.

— Л-ладно...

В его голову закралась мысль, что она впервые так подробно осматривает его. Это немного смущало. Но стоило Даше войти в режим “младшей сестренки алхимика”, то, насколько он знал, лучше ей не перечить. Поэтому, немного поколебавшись, он лег на кровать.

(Она всего лишь... использует свой слух и осязание чтобы осмотреть меня, верно?).

Насколько он помнил, врачи в его прошлом мире делали нечто подобное. Поэтому он закрыл глаза, глубоко вздохнул и расслабился.

Первое, что он почувствовал – тонкий холодный пальчик. Он пробежался по его груди. Сперва было щекотно, но потом холод стал приятным.

Прикосновение несло с собой долю нежности, но время от времени пальчик отрывался и постукивал по коже. Это означало, что она действительно проводит осмотр.

Одновременно с этим, Даша прижала ухо к груди Юкинари, внимательно слушая его сердцебиение. Ее серебристые волосы и дыхание, тоже щекотали его, но у него не появилось желания рассмеяться вслух.

Если бы кто-нибудь увидел их в таком положении, что они подумали бы? Ульрике, похоже, пораньше легла спать, а Берта осталась во Фридланде приглядывать за Вероникой. В доме не осталось никого, кто мог бы им помешать.

Юкинари слегка приоткрыл глаза. Лицо Даши снова зарылось в его грудь; она нежно терлась о него своим носом. Вероятно, проверяя на запах. Если так подумать, то он уже слышал раньше, что некоторые животные могут найти больных людей по запаху их тела.

— ... Юки.

— Эм, да? – сказал он, быстро закрыв глаза.

— Ты... слишком много работал в последнее время...

— Я вообще-то так не думаю.

— Не... переусердствуй, хорошо?

— Я в порядке.

— Я... так... не думаю.

Юкинари потерял дар речи. Хорошо это, или же плохо, но казалось, что она видела его насквозь.

Юкинари решил остаться во Фридланде и вести себя как местное божество только ради Даши. Перед смертью, Ирина, которой он обязан всем, попросила его позаботиться о Даше, и, чтобы защитить ее, с тех пор они были в бегах. Но для Даши, которая видела жизнь лишь в застенках Церкви, путешествие без остановок стало слишком обременительным. Именно ради нее, Юкинари обосновался здесь.

И от Даши это не ускользнуло. Она всегда переживала из-за этого, считая, что это – по ее вине Юкинари заставил себя взять роль такого божества; ей было больно на такое смотреть.

— Юки... ты устал.

Даша говорила, оставаясь лежать на его груди.

— Может быть так и есть.

— Твое сердцебиение и запах немного отличаются от того, какими были раньше.

— Мое сердцебиение? Полагаю, это из-за того-

- Из-за того, что ты сейчас делаешь, - подумал он, но не смог заставить себя сказать.

Даша скорее всего имела в виду те времена, когда они спали вместе под одним одеялом или пальто. Теперь, когда он вспомнил об этом, то Даша действительно частенько прижималась ухом к его груди и вдыхала его запах. Конечно на нем тогда была рубашка.

— Тебя что-то беспокоит? – спросила она. Казалось, что шепотом она добавила: “Можешь рассказать мне”.

Она очень беспокоилась о нем. С тех самых пор, как Ирина доверила ему защиту Даши, Юкинари полностью сосредоточился на этом. Он верил, что готов пожертвовать всем ради нее. Но, пускай и по-своему, Даша тоже присматривала за ним. Он должен был это заметить. Но в последнее время не обращал на это никакого внимания.

Он возможно, и чувствовал себя немного уставшим, но у него попросту не находилось времени чтобы рассказать об этом.

— Все это время, - улыбаясь начал он, - я пытался защитить все, что видел. Например, отразить атаку Миссионерского ордена. Отбиться от полубога, угрожавшего жителям. Я думал, что смогу достичь своей цели лишь защищая то, что вижу перед собой.

Даша промолчала, но он почувствовал, как она шевелится у него на груди. Положив руку к ней на спину, он продолжил:

— В основном, я думал, что если смогу защитить тебя, то другое для меня не имеет значения. Какое мне дело до всего остального? Однажды я уже умер, и теперь у меня здесь нет ни старшей сестры, ни семьи. Я не знал, чем заняться, но хотел сделать хотя бы что-то, чтобы защитить тебя. Я подумал, что, если смогу что-то сделать, все получится.

— Юки...

— Но в последнее время я на своем горьком опыте понял, что все далеко не так просто.

Чтобы защитить кого-то, дать им возможность жить нормальной жизнью, нужно было защищать среду, в которой они бы не подвергались риску и спокойно жили. Но создание стабильности в принципиально нестабильной среде подразумевало своевременное реагирование на внезапные или случайные события.

А для этого нужно учитывать еще большую среду.

И...

— Прости, Даша.

— *Вопросительное молчание*.

— После всего, что произошло, я пришел к выводу, что хочу защитить Фридланд.

Изначально он планировал этот город как место, которое будет использовано им для защиты Даши. Но теперь он заметил, что горожане что-то да значат для него, пускай и не так много, как Даша. Здесь он встретил немало людей, с которыми сблизился, разумеется, речь о Фионе и Берте, но и о многих горожанах, с которыми он познакомился через них. Большинство из них смотрели на него как на божество; они смотрели на него с глубоким уважением в глазах. Разве он мог ничего не почувствовать в ответ?

— Но это означает, что мне придется заботиться о большей среде.

Для того, чтобы Фридланд был в безопасности, он начал торговлю с Рострочем, и, в результате, познакомился с Богом земли Юдждрой и его семьями, в том числе с Ульрике. Ульрике называла его другом; простое слово, но они уже больше, чем обычные торговые партнеры, которые используют друг друга ради получения собственной выгоды.

Самым важным человеком в жизни Юкинари, вне всяких сомнений, оставалась Даша. Но и раньше, для него была важна только Даша. Не было никого, кто находился на втором месте, поскольку в его сердце больше никого и не было. Теперь же он бережно хранил столько всего в нем... Это радовало его и, в то же время, тяготило ум.

— Если я планирую и дальше играть роль Бога земли, то мне нужно смотреть куда дальше. - Сказал он. - Горожане ждут от меня именно этого. Раньше мне казалось, что будет достаточно делать все, что в моих силах, но если я собираюсь и дальше прикидываться божеством, то нужно напрячься. В этом плане, как мне кажется, я был слишком наивен в то, что не знал о бытности божества.

В его прошлой жизни мать Юкинари вступила в секту, и практически покинула семью, поэтому он с глубоким подозрением относился к самой концепции "Бога". В его понимании, это равносильно тому, чтобы заставить людей перестать думать, и отнимать у них деньги и время. Но...

— Если не вдаваться в мораль жизни и смерти жертвы, то Боги земли действительно удивительные создания. Они могут столько всего сделать, причем... естественно. Хотя, не думаю, что хотел бы стать единым с землей; как и потерять свое собственное "я".

— Юки, - Даша внезапно прервала его. Он посмотрел на нее и заметил, что она по-прежнему лежит на нем, но немного приподнялась, чтобы заглянуть ему в глаза. - Ты взял на себя... слишком много работы.

— Может быть, так и есть...

— Ты пытаешься... сделать все... в одиночку.

Эти слова заставили его моргнуть.

— Юки... ты защищаешь меня... а я хочу... защитить тебя.

— Даша...

— Алхимики... пытаются понять... законы природы, причем... воспроизвести их... не будучи Богом... ты... Юки... не сможешь... Но в один прекрасный день... ты сможешь делать то же самое, что делают Боги. Я уверена... в этом, - ее голос звучал весьма убедительно, - а я... помогу тебе... в этом.

После долгой паузы, Юкинари наконец ответил:

— Спасибо.

После этого, он погладил ее по головке. Сереброволосая девушка прищурилась, словно кошка, прижавшаяся к хозяину, и сама прижалась щекой к груди Юкинари.

§

Той ночью Берта осталась во Фридланде, вместо того, чтобы вернуться в святыню. Как жрица, которую даровали Юкинари, она обязана, обычно быть подле него, но Фиона специально попросила ее остаться в особняке Шиллингов, а Юкинари согласился. Фиона хотела, чтобы она присмотрела за наемницей Вероникой.

В итоге, Веронике позволили остаться в комнате для гостей особняка. Она, очевидно, очень сильна, и не ослабляла бдительности, чтобы избежать каких-либо проявлений слабости. Но она бежала из Алдрея во Фридланд без нормального отдыха к тому же, была ранена; ее усталость достигла критического значения. Кто-то должен позаботиться о ее здоровье.

В данный момент Фридланд работал сразу над несколькими проектами развития, предложенными Юкинари, в частности над улучшение сельскохозяйственных угодий. Большая часть населения была занята этими проектами, а потому не могла присматривать за внезапным гостем. Именно поэтому ответственность за Веронику легла на Берту.

Но, как только она сменила повязки на ранах Вероники, убралась в комнату и принесла ей покушать, обнаружила что и заняться ей в общем-то нечем.

Берта никогда не получала образования. В лучшем случае, она знала о том, как поддерживать вещи в чистоте чтобы не доставлять неудобств окружающим. Она знала, что повязки наемницы нужно постоянно менять, чтобы раны оставались чистыми, но ничего более.

— Эм...

Она нерешительно посмотрела на Веронику. На протяжении большей части своей жизни, она была окружена девушками младше нее, а потому столкнувшись со взрослой женщиной, не знала, как себя нужно вести. Она думала, что было бы неплохо о чем-то поговорить вот только о чем, не знала.

Вероника была наемницей. Берта знала значение этого слова, но понятия не имела, что это за работа такая, кроме того, наемники ее немного пугали. И хотя сама Вероника выглядела довольно миленько, суровое выражение ее лица неохотно заставляло Берту разговаривать с ней.

Именно поэтому, в комнате, в основном, царила тишина.

Несмотря на это, Вероника совершенно не собиралась спать, поэтому Берта не знала, уместно ли ей будет выходить в другую комнату. Хорошо это, или же плохо, но Берта была слишком скрупулезным человеком, и раз ей сказали сидеть с Вероникой, она не станет уклоняться от своей ответственности. Но все же...

— Эй, ты.

Казалось, даже Вероника не вынесла тишины, поэтому внезапно заговорила. Мысленно вздохнув с облегчением, Берта ответила с легким намеком на панику.

— Ой, д-да? Я могу что-то для тебя сделать?

— Не скажешь, как тебя зовут?

— Ох... - Только сейчас Берта поняла, что она так и не представилась. - П-прости. Меня зовут Берта!

— Берта. Хм-м... - Вероника пробормотала ее имя, словно проверяя звучание, а потом устремила взгляд на смотрящего, оценивая ее. Наконец она сказала: - Прости.

— Чего?! - Берта не сразу смогла понять, почему эта женщина вдруг начала извиняться.

— Ты служанка, или кто-то на подобии, у того парнишки, Юкинари, верно? И ты застряла здесь, заботясь обо мне.

— Я... Я не его служанка. Я жрица храма - святыни, которая принадлежит г-ну Юкинари.

— Жрица? - переспросила Вероника, нахмурившись.

Некто, живущий в этих землях, возможно, сразу же предположил бы что она – жертвоприношение которое было преподнесено Богу земли, и они прекрасно знали, что Боги земли – животные которые смогли обрести разум теми или иными способами, и установили связь с землей.

— Этот Юкинари... Он что, какой-то жрец?

— Нет, он – Бог земли.

— Бог земли? Он? Человек?

— Да. Господин Юкинари частенько называет себя “временным Богом земли”, но... для этого города, и для меня, он очень важный человек, он – божество.

Веронику эти слова, казалось, ничуть не убедили, а потому она рассказала ей всю историю: о том, как ее принесли в жертву Богу земли; о том, как появился Юкинари и взял на себя роль Бога земли во Фридланде. Радуюсь тому, что смогла рассказать об этом, Берта почувствовала себя так, словно рассказывает сказку.

— ... Так вот, я – дева святилища, которую передали г-ну Юкинари. Хотя, признаюсь честно, мне так и не выпала возможность исполнить свои обязанности...

— Твои обязанности? Я подумала, что он не монстр, который поедает людей.

— Верно. Так что предложить себя я могу только в другом плане... - Сказала она, сильно краснея.

Юкинари не относился к Берте, как к собственности, которую ему подарили; скорее наоборот, он в виду своей доброты считал ее обычным человеком. Она, очевидно, не нужна ему в пищу, а в плане талантов и вовсе ни на что не годна, а потому ей думалось что она сможет удовлетворить его в сексуальном плане. Но Юкинари не сделал ничего чтобы наложить на нее свои руки. Следовательно, Берта до сих пор сильно переживала из-за того, что не могла исполнить свою роль девы святилища, полностью провалившись.

Прежде, чем Берта успела опомниться, она обо всем этом рассказала Веронике. Она лишь хотела развеять молчаливую атмосферу в комнате, но в итоге начала болтать о том, что Веронике едва ли будет интересно слушать. Но, когда она поняла это, было поздно забирать свои слова обратно.

Вероника, в свою очередь, вовсе не считала, что услышанное ею – пустая, надоедливая болтовня.

— ... Верно, - наконец, сказала Вероника. Ее тон стал нежнее, чем был раньше. - Стоит

привыкнуть жить определенным образом, как потом трудно изменить это. Очень трудно.

— Эм, госпожа... Вероника? – моргнула Берта.

Но Вероника, как показалось, больше не намерена была разговаривать, она легла на кровать и молча закончив разговор, отвернулась. Этим, похоже, она намекала присматривавшей за ней Берте, что собирается поспать.

— Спите... Хорошенько выспитесь.

После этих слов, она единожды поклонилась и, тихо насколько только могла, вышла из комнаты.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://tl.rulate.ru/book/7286/386252>